

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ

**Я-
РАСПУТИН
НЕЧЕСТНАЯ
ВОЙНА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В99

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 100

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Вязовский, Алексей Викторович

В99 Я — Распутин. Нечестная война: роман / Алексей Вязовский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-165407-8

Трехсотлетие дома Романовых... Позади — труды по созданию Ростеха, Стрелкового союза, детских колоний и работоспособной Думы, впереди — гроза Первой мировой войны и призрак революции. Хватит ли запаса прочности у России Распутина, чтобы выстоять и выйти из потрясений сильной и свободной?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-165407-8

© Алексей Вязовский, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

*16 декабря 1913 года, Сызрань
12: 10, пожарная каланча*

Даже если все остальное, что я сделал, накроется медным тазом, за сызранский промышленный район памятник мне точно положен. Впрочем, и сам город — в известном смысле памятник мне. Перестроенный наново после пожара 1906 года, не в последнюю очередь на мои, точнее, ростеховские средства. Даже вот эта каланча, с которой я обзираю город, округу, железную дорогу, заводы и Волгу, воздвигнута на «пожарные» деньги — завод взрывателей, помимо содержания собственной команды огнеборцев, еще и доплачивал городу. А Дума разумно решила пустить лишнюю копейку на здание пожарного обоза и оснащение его по последнему слову техники.

Слово, впрочем, тоже оказалось за мной, и теперь сюда ездят брандмейстеры со всей России, посмотреть, как устроена самая современная пожарная часть. Два этажа, наверху кабинет брандмейстера, казарма дежурной смены, из нее вниз пробит круглый люк, посреди которого стоит

классический стальной столб, тщательно смазанный маслом. Чуть тревога — вжик! И пожарные расчеты по нему съезжают в депо. А там пять огненно-красных автомобилей — две цистерны с насосами, две линейки для топорников и раздвижная лестница на случай, если рабочее общежитие загорится, оно у нас самое высокое в городе, целых пять этажей! Священство, кстати, сильно обижалось, что кое-какие церкви оказались ниже.

Ну так надстройте, кто вам мешает?

Город начинается от реки, где еще до пожара встали склады Нобеля — привычные глазу цилиндрические резервуары инженера Шухова. Дальше по берегу возвышаются ректификационные колонны нефтеперегонного завода Ростеха, к нему сейчас от главного хода Московско-Казанской железной дороги ветку тянут, заодно и вокзал в самом городе построим. Тут же, вплотную к сырью, заводик синтетического каучука, даже не заводик, а, скорее, лаборатория — завод мы в Самаре поставили. За дорогой на Батраки — склады, при них казарма военизированной охраны, хорошо видно, что на небольшом плацу перед ней сейчас идут занятия Стрелкового союза. Ать, два, приклад к ноге...

После складов торчат антенны фабрики телефонов и беспроводных телеграфов, пустеет пока площадка переехавшего в Гусь-Мальцевский оптического производства, а уже за ними, на отшибе, низенькие цеха, окруженные валами, там делают взрыватели.

Господи, да чего только теперь в Сызрани не делают! Многое, но по стране еще больше — город небольшой, тут только сердце Ростеха, остальные производства мы решили растаскивать в разные места, пусть наши опорные пункты в губерниях множатся. Опять же децентрализация и пример для подражания. И вообще, хочешь, чтобы твое дело поддержали? Дай зарабатывать и другим.

Поначалу-то мы за все хватались, желаете велосипедные шины? Ща сделаем. Автомобильные? Минуточку, вот... Трубки-прокладки? Силь вупле. А потом сообразили, что нормального крупносерийного производства не получается, и вынесли резиновый завод в Самару, там же и второй нефтеперегонный поставили. Губернатор нас даром что в задницу не целовал — ему и городской бомонд плешь проел насчет того, что уездная Сызрань губернский город обскакала, и сверху, от Думы и Столыпина, постоянно прилетало за «недостаточное внимание к развитию на месте российской промышленности». И это мы еще легко отделались, там целая интрига была перетащить в Самару «Ростех-Мотор». Нафиг-нафиг, только наладились и пошли наши двигатели большой серией, и тут вдруг переезжать?

Корейво — молодец, и французские по лицензии Сегена доработал, и нелицензионную копию немецкого на поток поставил, да и свой двигатель запустил...

А Самаре в качестве пряника я предложил подумать насчет грузовиков. Госзаказ на шины они уже гонят вовсю, движками мы поделимся, осталось трансмиссия да кузов сколотить, справятся небось. Тем более появляется шанс утереть нос московским — староверы из белокаменной, через Борю Алексеева, пробили с «Ростех-Мотором» почти эксклюзивный контракт и отгрохали в старой столице свой автозавод. Юрий Меллер, владелец «Дукса», тогда чуть с нами не рассорился, но мы ему подкинули идейку заняться мотоциклами да самолетами, и конкуренты плавно разошлись бортами.

Кстати об авиации. Надо бы в Самаре еще и авиазавод основать, у нас тут война на носу, крылья лишними не будут. И место присмотреть для аэродрома в Сызрани, а то чего это герой неба Распутин все на поезде да на поезде. Буду летать, тем более Игорь недавно выкатил вполне приличный самолет «Сикорский-12», до Москвы с двумя промежуточными посадками легко добывает. А следующая модель должна вообще с одной посадкой долетать. Хотя... нет, наверное, рано еще — нужно промежуточные аэродромы оборудовать, люди, оснастка, то-се... Причем поездом не особо дольше, чем аэропланом, пятнадцать часов против двенадцати, зато насколько комфортнее! В небе-то только кожанка понтовая, сиди себе, тяни штурвал и ни-ни отвлечься, автопилотов еще нет. А в вагоне тебе и диван, и чай, и еда горячая, и свежие газеты на станциях, не говоря уж о телеграфе.

Кстати, пора уже в моем поезде радиотелеграф поменять, а то стоит старенький, трехлетней давности, а во-он те орлы, с фабрики телефонной, уже новую модель запустили, пятьсот километров при хорошей антенне берет. И портативную станцию, в смысле влезаящую всего в один выюк, тоже сделали. И телефоны полевые, к которым те же Алексеевы сейчас сотнями километров провод гонят. Вообще-то наш полевой телефон от обычного отличается только корпусом, вся труба одинаковая, Миша Шулейкин большой фанат унификации оказался и даже наш «конкурент» — Общество беспроводных телеграфов — работает на нашей комплектуре. И Нижегородская телефонная фабрика тоже.

Большое удобство будет в военное время, никакого разнобоя в деталях. Так что не знаю, как там с пушками-ружьями-пулеметами, а вот со связью в русской армии будет все гораздо лучше. Ну, если, конечно, козлы-генералы своей тупостью не угробят. Но на это надежды мало — и Палицын, и Редигер за связью следят пристально и тем, кто ею манкирует, немедленно люлей выписывают. Да и Николай наш, августейший покровитель, большой ценитель радиосвязи оказался — подарили ему три года назад радиостанцию, пощелкал он в Царском Селе тумблерами-кнопочками, так прямо как мальчишка загорелся. Теперь за ним даже на охоту выючную радиостанцию возят. А что, удобно, не надо посыльных гонять, снял трубку, два слова сказал и вуаля, все

уже мчатся исполнять всемилостивейше соизволенное повеление.

Военные нас вообще любят, еще и за взрыватели. Лена на Шулейкина нагляделась и своим навтыкала на предмет унификации, так что теперь у нас есть почти УЗРГ-м. Почти — потому как технологическая база отстает, да и с алюминием у нас еще не очень. Но вполне рабочая штука, никаких тебе «взвести ударник, передвинуть ограничительную заслонку на корпусе гранаты, другой рукой открыть место установки запала, установить запал. Далее необходимо повернуть специальное фиксирующее устройство и закрепить его при помощи крючка. Затем нужно взять гранату, придавив спусковой рычаг на рукоятке, при этом предохранительное кольцо должно находиться между безымянным и средним пальцами. Передвинуть ограничительную заслонку в исходное положение и метнуть гранату, оставив в руке кольцо, зажатое между пальцами». Это я не шучу, это так требовалось управляться с гранатой Рдудловского — той самой, что на всех плакатах и фильмах о революции обвешаны матросы. Сам Владимир Иосифович, когда наш взрыватель увидел, прямо обомлел и свои конструкции в сторону отодвинул. Сейчас, кстати, работает представителем ГАУ на нашем заводе и очень Лене помогает по технической части.

Да что там Рдудловский, когда взрыватели и запалы у нас Англия и Франция закупают! Немного, да и не продлится это долго — сейчас по-

считают и либо что-то свое выкатят, либо у нас лицензию купят и будут клепать на месте, чтобы не возить за семь верст. Немцы тоже очень интересовались, и я им даже авансы на этот счет делал, мол, я только за, но продукция военная, требуется разрешение правительства. Вот они второй год это разрешение и получают — наша бюрократия чего-чего, а вольтить да футболить умеет великолепно, а уж если еще и по приказу сверху, от самого Столыпина... В общем, не видать немцам этой морковки, хотя она и прямо перед носом болтается.

О, а что это в Успенском переулке происходит? Я сощурил глаза и всмотрелся — ага, дворники снег чистят. Хорошо тут на высоте, все видно, никто тебя не видит... Жаль только, до Белого моря не дотянуться, там второй наш промрайон...

Сзади деликатно, в варежку, кашлянул дозорный.

— Что, брат, пора?

— Пора, Григорий Ефимович, сами знаете, запрещено посторонних пущать, мы уж вас из особого уважения...

Да, это он прав, надо вниз топать. Не положено мне на каланче торчать, здесь человек работает, а я ему мешаю, перспективу загораживаю. Хотя знал бы он, как эта перспектива могла тазом накрыться и чего нам стоило все удержать...

Спас нас тогда граф Толстой. Когда я лежал после покушения в коме, все сыпалось и разбега-

лись люди, а Щекин, Елена и капитан лихорадочно пытались остановить расползание, то все считали, что Распутин кончился. А коли так — то с ним кончились и Ростех, и «Небесная Россия», и Стрелковый союз, обретший приставку «Императорский», и даже реформы в стране, обратно царь с дядьями будет всем рулить.

И тут Лев Николаевич вдруг ушел из семьи, добрался в Москву и обосновался в московской общине «небесников». Известие это тогда прозвучало как гром среди ясного неба — если уж такой авторитет, как Толстой, верит в Гришкино дело, то рано распутинские проекты хоронить. А граф еще и несколько статей написал в поддержку, и с его подачи пошли «общественные молебны о здравии раба Божьего Григория». И на них приходили сотни и тысячи простого народа, отчего российская власть малость вздрогнула, церковь затихарилась, а писаки засунули языки в задницу. В общем, Лев Николаевич дал нам жизненно необходимую передышку, соратники мои приободрились, консолидировались и даже выперли еще некоторое количество сомнительных личностей вслед тем, кто удрал сам. Такая вот чистка рядов получилась — не было бы счастья, да несчастье помогло, почти половину тогда из партии вытурили, зато остались самые верные.

И тут внезапно в «Небесную Россию» вступает Столыпин. Разговоры про это я с ним, надо сказать, вел. И даже морковку какую-то финансовую подвесил, но Петр Аркадьевич не торопился. А как

меня «не стало», а партия выжила и даже прибавила — в самом начале 1909 года объявил. И как красиво это сделал... На мостике крейсера «Варяг», который месяцем ранее прибыл в Питер. Сколько я пробивал выкуп, обхаживал японцев... А плодами воспользовался премьер. Но я не в обиде — Петр Аркадьевич стал тем паровозом, что вытащил избирательную кампанию «небесников» в 1912 году.

Левые перли как танк, по всем прогнозам, должны были забрать Думу и вместе с ней власть. Но нет. Толстой, Столыпин, даже вернувшийся на «новой волне» в партию Булгаков — вот кто принесли нам победу, я-то слаб еще был выборной кампанией заниматься. Ну и административный ресурс помог, как без него. Да, это был выигрыш всего в пять процентов, но ведь все равно выигрыш. И левые его признали! Хотя поначалу все шло к очередной всероссийской стачке, протестам... Но Ленин чертовски хорош как политик и отлично понимал, что если в Третьей Думе левые взяли пятьдесят мандатов, в Четвертой — двести, то к бабке не ходи — Пятая будет социалистической. Процентом на девяносто запросто, надо лишь немного подождать.

А там и я оклемался, стараниями братьев Боткиных — Сергея Сергеевича и Евгения Сергеевича, второго ко мне приставил лично Николай. Поначалу я только лежал да глазами хлопал, потом подключились ученики Петра Францевича Лесгафта с лечебной физкультурой. Через месяц-другой уже ходил, опираясь на палочку и на под-

росшего Димку. Ну а дальше легче, но палка пока так и осталась — пусть все считают, что без нее не могу. Но полтора-два года из жизни мне эти сукины дети, террористы, выбили, хорошо хоть жив остался. Не иначе потому, что у Гришки жизненной силы через край, вон, когда его убивали, то... тьфу, тьфу, тьфу, даже не думай об этом!

Нельзя сказать, что террористов не искали... Зубатов, Туркестанов, Корнилов землю рыли. Следы вели в Лондон, к великим князьям и заклятым друзьям с Олимпа Туманного Альбиона, но ты поди докажи! Англичане, конечно, отмазались — вот лапки, ничего не знаем. За убитого Самохвалова надо было посчитаться, силовики это понимали. Но Столыпин не давал добро на ответку. Он как раз вошел в новый конфликт с Никсой — тот опять начал лоббировать возвращение дядской камарильи в Россию, чего премьеру даже рядом не нужно было. И в такой обстановке насильственную смерть любого из этих козлов непременно повесили бы на власть и лично Петра Аркадьевича.

Я тяжело вздохнул. Тяжела ты, шапка Мономаха. Гнилые компромиссы, «вовремя предать — не предать, а предвидеть» и прочее, и прочее.

Сразу как очнулся и пришел в себя, наладил Толстого в благодарность в Палестину. Разумеется, вместе с отличившимися «небесниками», чтобы за дедом присмотрели — восемьдесят лет как-никак. Он там обстоятельно обошел все святыни и монастыри, даже не скандалил, когда особо умные иереи его не пускали. И действительно,

чего scandalить? Ну не пустили в храм Русской православной церкви, так вот храм Константинопольского патриархата или Сербской церкви, или даже Армянской — в одного Бога веруем. За Толстым в Святой земле ходила толпа корреспондентов, несколько пацифистских интервью в европейских и американских газетах напечатали... Только что с того, как сползали к войне, так и продолжаем сползать.

Стоило мне сойти с лестницы на каланчу, как в кабинете брандмайора задребезжал телефон — по уровню телефонизации на душу населения Сызрань опережала не только Москву с Питером, но даже и Варшаву с Лодзью. Сперва наши заводы в сеть соединили, потом думу и городского голову подключили, потом пожарных, полицию, врачей, школы... Станцию специально купили американскую, автоматическую, чтобы женский пол не отвлекать от прецизионной сборки. Сейчас-то даже в десятке тракторов стоят аппараты, так что дозорный на вышке почти что анахронизм, проще и быстрее позвонить. Но не отменяют — символ, мы бдим и все такое.

— Слушаю! — рявкнул бодрый голос. — Так точно, Григорий Ефимович здесь. Сию минуту.

Из кабинета выглянул сильно усатый начальник местных властелинов огня и совсем было раскрыл рот, как я подался ему навстречу и опередил вопросом:

— Распутина не видели?

Брандмейстер выпал из реальности и только хлопал глазами. Ну в самом деле, его просили найти Распутина, так вот он Распутин, да еще спрашивает, где Распутин — есть от чего зависнуть. Отодвинув пожарного в сторону, я прошел в кабинет и взял трубку:

— Распутин у аппарата.

— Григорий Ефимович, Гришенька, — всхлипнула трубка Лениным голосом, — Лев Николаевич умер...

Ох, какое горе!

До станции я домчался минут за десять, как только обзвонил всех наших, кто в тот момент был в Сызрани, и на вокзал мы ввалились почти одновременно — раздобревший инженер Корейво, Ленка, Гурвич, набравший солидности Миша Шулейкин и приехавший вместе со мной Щукин, ради такого дела свернувший встречу с местной бизнес-элитой. Таковая, кстати, полностью встала на нашу сторону, как только увидела, что с Ростехом можно зарабатывать вдвое, а то и втрое больше прежнего. И куда только купеческая замшелость делась! Пропали смазные сапоги и поддевки, им на смену пришли лаковые туфли и сюртуки, а то и демократичные пиджаки.

Но главное не в одежде — уже двенадцать наследников местных деловаров учились кто в Императорском техническом училище в Москве,

кто в Технологическом институте в Питере, кто в киевском Политехе. Так мало этого! Сами отцы семейств вознамерились постичь высоты современной науки и поначалу заставляли отпрысков рассказывать все, чему те научились в своих университетах. Ну в самом деле, коли ты торгуешь синтетическим каучуком или там радиостанциями, надо же понимать, что именно продаешь? А потом трое самых продвинутых, включая Чернухина, организовали нечто вроде «вечерней школы», куда зазывали на лекции специалистов с ростеховских заводов. Лена, умничка, под это дело раскрутила их на городское техническое училище. Нет, у нас техническое образование и колонисты получали, но как бы это сказать... на уровне квалифицированного рабочего, ПТУ, во! Техническое же училище выпускало полноценных техников, то есть специалистов рангом выше. Ничего, бог даст, раскрутимся и вообще институт организуем. Без отрыва от производства.

— Так, голуби мои, сворачиваем все дела и в Москву, надо организовать похороны Льву Николаевичу, чтобы вся Россия запомнила.

Возражений не последовало — пока все добрались до вокзала, настроение «Какая Москва, тут у меня дел по горло!» сменилось осознанием нашего долга перед Львом Николаевичем. Дошло все из головы до сердца.

Щукин уже успел перекинуться телеграмма-ми с белокаменной и выдал, что граф завещал похоронить себя в Ясной Поляне.